

*Обыватель в подлости своей радуется уни-
жению высокого, слабости могущего... Он мал,
как мы, он мерзок, как мы!... Врёте, подлецы:
он и мал и мерзок—не так, как вы—иначе.*

Александр Пушкин

Иные побуждения Дмитрия Быкова

Сначала я планировал начать свою рецензию на литературоведческое творчество Дмитрия Быкова так: «Салтыков-Щедрин однажды сказал, что Бонапарт „насквозь просмердил Францию“¹. Пользуясь этим метким выражением, можно сказать, что Дмитрий Быков насквозь просмердил общественную литературу».

И ведь правда, быковская плодовитость (а что ж не писать, коли платят?) в сочетании со стремлением стащить с каждого классика штаны и в таком виде выставить публике делают его весьма вредоносным субъектом.

Однако я решил, что несправедлив к Быкову: ведь делает всё это он не из сознательного стремления опорочить и втоптать в грязь нашу литературную традицию, а совсем из иных побуждений. Просто биограф часто ассоциирует себя с объектом своего исследования. И чем малограмотнее, непрофессиональнее биограф (а Дмитрий Быков—биограф малограмотный, и мы об этом поговорим), тем сильнее в нём это стремление.

Изображая русских писателей пьяницами и людьми сексуально озабоченными, Быков, видимо, приписывает им собственные пороки. Правда, Быков-то считает эти пороки достоинствами, ведь сказал же Лев Толстой, что всякий человек «непреренно составит себе такой взгляд на людскую жизнь вообще», при котором сам он будет выглядеть наилучшим образом. Потому Быков и награждает всех классиков своими «дурными болезнями», искренне считая, что оказывает им великую честь, спасает их от неверных толкований.

Как Быков стал большим литератором

Во всей биографии самого Дмитрия Быкова видно стремление послаще устроиться. Быков обожает

сходить «в ресторан скромно выпить-пожрать»², но при этом жelaет ещё иметь репутацию оппозиционера.

Впервые «сверкнул» Быков в составе «ордена куртуазных маньеристов»—да, тех самых, которые сочинили «и вальсы Шуберта, и хруст французской булки». Быков вместе с ними писал манерные, но довольно тусклые стихи: «Она была мила, но ветрена, увы, как все шатенки...»³

По-настоящему засветился Быков уже в конце девяностых серией сатирических «новых русских сказок», впоследствии собранных в книгу «Как Путин стал президентом США». Даже в этой книге собственной прозы Быков умудрился буквально с первых строк мазнуть грязью Горького: мол «пафос всегда ему мешал, а вот с юмором у этого автора всё обстояло отлично»⁴.

Это крайне важное замечание, обрисовывающее главную литературоведческую концепцию Быкова: пафос, то есть всякие там идеи, убеждения, взгляды,—это у наших писателей лишнее, случайное, досадное, а вот юмор—это дозволяется. Сам Быков пафоса не любит, ибо пафос ему не по плечу, он предпочитает прятать скудость своих мыслей и дряблость чувств за ёрничаньем, которое для красы называет юмором.

Впрочем, в той книге «новых русских сказок» ангажированность автора проступает и сквозь густой слой шуточек. Остриё быковской «сатиры» направлено против... оппозиции! Он рисует политических противников Ельцина фашистами и иудефобами, высмеивает «красно-коричневых» .....

1. См. его повесть «За рубежом».
2. Быков Д. Михаил Салтыков-Щедрин. К 175-летию со дня рождения писателя. Лекция прочитана 19 января 2011 г. (https://www.pryamaya.ru/dmitriy_byikov_mihail_saltyikovschedrin).
3. За брызгами алмазных струй / Фильм о куртуазных маньеристах (<https://www.youtube.com/watch?v=jzmKwHrVnfY>).
4. Быков Д. Как Путин стал президентом США: новые русские сказки (<http://book-online.com.ua/read.php?book=6007>).

и как бы защищает правительство от обвинений в «антинародности» и «прозападности».

Вообще, читать быковские сказки довольно приятно. С юмором у автора явные проблемы. Зато сколько угодно грубости, вульгарности и готовности мазать грязью всех—одних погуще, других слегка (даже любя), за что последние наверняка не остались в долгу.

Он не просто берёт на вооружение пропагандистский штамп ельцинской пропаганды «красно-коричневые», но усугубляет его до «кровопоносников», «активистов партии поноса». Обсасывая тему юдофобства генерала Макашова, Быков пишет: «Вся одежда генерала лоснилась от жира убиваемых на нём жидов». Конечно, в антисемитизме нет ничего хорошего, но это пятно макашовских взглядов Быков стремится размазать пошире и погуще—на весь антиельцинский лагерь.

Точно так же происходит и с Зюгановым. Сам Зюганов, безусловно, достоин осмеяния, но Быков ловко натягивает неприятную физиономию «гомункулуса Гены» на всё советское прошлое, на всю левую идеологию и всю отечественную культуру двадцатого века. А ведь именно за спасение достижений двадцатого века от ельцинского развала и раздвая и выступали те, кто поддерживал «коммунистов» в девяностые годы.

Конечно, в других сказках порой достаётся и Ельцину и его команде, но важнее всего то, что Быков не оставляет осмеиваемой власти никакой альтернативы. Выходит, что кремлёвские реформаторы плохи, но все остальные претенденты на власть ещё хуже. Собственно, на это и напирали ельцинские пиарщики⁵.

Таким проверенным ещё с фамусовских времён способом Быков создал себе репутацию человека «рукопожатного» и даже ручного.

Совершенно извращённое понимание

Собственно, рассказываю это я для того, чтобы было понятно, кем желает видеть русских классиков Быков: фрондёрами, но не идейными борцами,

зубоскалами, но не мыслителями. И эту мысль, как благодатный огонь, он пронесит через всё своё творчество.

Поскольку я ограничен размерами журнальной статьи, мне удобнее будет проанализировать литературоведческое творчество Быкова на примере его лекции о Салтыкове-Щедрине, прочитанной к 175-летию писателя. Начинает Быков с довольно сильной декларации⁶:

«В России был примерно 70-летний период марксистского литературоведения, которое совершенно извращало или извратило этого, в сущности, глубоко религиозного писателя. Из него сделали памфлетиста, причём памфлетиста третьеразрядного. От всего его наследия актуальными более или менее и входящими в круг чтения повседневного остались только сказки и в некоторой степени „Господа Головлёвы“, может быть, самое эффективное, но далеко не самое удачное его произведение».

На что в этой декларации стоит обратить внимание? В советское время, по мнению Быкова, Салтыкова-Щедрина понимали неправильно, «совершенно извращённо», его якобы превратили в третьеразрядного памфлетиста. Позвольте, а кто же тогда считался памфлетистом перворазрядным и второразрядным? Назовите, чьи сатиры ставились выше салтыковских? Не найдёте. И Быков не найдёт, потому что он попросту сказал глупость. Но ведь никто не призовет Быкова к ответу, так что мели, Емеля...

В советское время Салтыкова-Щедрина издавали и переиздавали такими тиражами и настолько полно, как никогда до и после. Салтыкова-Щедрина знали, читали, писали о нём вожди большевиков Ленин и Зиновьев, чего нельзя сказать о нынешних «первых лицах».

Быков считает, что советское литературоведение прогнало в Щедрине самое главное—его религиозность... И следом объявляет, что это литературоведение сохранило из его наследия только сказки и «Господ Головлёвых». Тут сразу возникает путаница: ведь в «Господах Головлёвых» религиозная тема выражена, пожалуй, наиболее отчётливо (вспомните покаяние Иудушки в финале). В сказках религиозные мотивы тоже присутствуют, взять ту же «Христову ночь» или «Рождественскую сказку».

Выходит, что советское литературоведение выпятило именно наиболее религиозное произведение Салтыкова-Щедрина.

Нелепость вторая заключается в том, что по популярности (читаемости, издаваемости, цитируемости) в СССР «Господа Головлёвы» безнадежно уступают другому произведению Салтыкова-Щедрина. Я говорю об «Истории одного города». Зачем Быков замёл эту книгу под ковёр? Лишь затем, чтобы ближе к концу вытащить её из рукава и объявить: «Но мы склонны думать, во всяком случае, я и большинство моих друзей-единомышленников,

5. Впоследствии Быков изменил свою позицию: «Мне придётся сейчас повторять азбучные вещи, но что поделать, если почти вся постсоветская история России была деградацией, а не ростом; если Советский Союз был не побеждён теми, кто лучше, а разрушен теми, кто примитивней и глупей. Упростилось и деградировало всё—образование, медицина, культура, наука, массовая психология (и как дисциплина, и как объект её изучения)» (Вековая тайна вождя. <https://novayagazeta.ru/articles/2018/04/20/76246-vekovaya-tayna-vozhdy>). Но признал он это много лет спустя, уже при Путине, когда стало можно ругать Ельцина.

6. Далее цит. по: Быков Д. Михаил Салтыков-Щедрин. К 175-летию со дня рождения писателя. Лекция прочитана 19 января 2011 г. (https://www.pryamaya.ru/dmitriy_byikov_mihail_saltyikovshedrin).

что всё-таки его основное произведение—это „История одного города“».

То есть Быков сперва прячет «Историю одного города», потом вытаскивает её, чтобы показаться оригинальным. Хотя на самом деле ничего оригинального в этом нет—все выделяют именно «Историю одного города». Эти шулерские фокусы Быкова вытворяются с целью произвести впечатление на людей, совсем (или почти совсем) не знакомых с творчеством Щедрина. Видимо, на таких слушателей его лекция и рассчитана.

И подобные приёмчики проливают свет на феномен Быкова: великим литературоведом он кажется людям малосведущим, плохо знающим литературу. Литературовед Быков взрос на ниве российской безграмотности, возделанной реформаторами из Минобра и Миннауки.

Наконец, если уж Быков решил удивить нас новой трактовкой Салтыкова-Щедрина как писателя «глубоко религиозного», то нелишне было бы хоть чем-то это заявление подкрепить. Причём желательно подкрепить его словами самого писателя, его произведениями или хотя бы свидетельствами современников. Увы, ничего подобного мы от Быкова не добьёмся. Сказал и сказал. Чего пристали?

Быков кидается на писателей

Итак, Быков приступает к своему излюбленному занятию—мазанью грязью.

«Из всей русской классики Щедрин был, вероятно, самым неприятным человеком»,—к чему это? Тем более что это личная оценка самого Быкова. Кому был неприятен Салтыков-Щедрин? Быкову?

Затем зачем-то кидается лаять на Некрасова: и ипохондриком он был, и игроком, и «не чуждался женской любви»—содержанок французских имел, и не одну! Причём Быков сам сознаётся, что доказательства последнего утверждения у него нет: «Хоровод этот, я думаю, и поныне, в отличие от донжуанского списка Пушкина, не выявлен, покойник был прекрасным конспиратором».

Проехавшись по Некрасову, Быков возвращается к Салтыкову.

«Ненавидел всех, кто играет в карты». Прямаки всех? Или делал исключения? Или всё-таки ненавидел саму игру?

«Был всю жизнь верен своей жене, единственной своей Лизе, из-за которой насмерть поссорился с матерью, и любил жену до такой степени, что совершенно не предполагал, что в семье могут быть ещё какие-то дети. Это казалось ему каким-то странным отвлекающим моментом. Неужели верность Салтыкова-Щедрина супруге и делает его «самым неприятным человеком» для Быкова? Бедный Салтыков-Щедрин! Не угодил Быкову!

Вообще, Быков любит сказать что-нибудь невпопад и некстати. Постоянно уходит от темы, так что к концу разговора оказывается, что по главной

теме мы почти ничего и не узнали. Зато узнали массу гадостей: Куприн—«маленький, круглый, прославленный такими эскападами и шуточками, которые действительно Пьеру Безухову показали бы цинизмом»; «Писарев был, как известно, очень плохой критик»; «от матюгов Салтыкова будут шарахаться современники»...

Если вспомнить правду

Далее Быков пытается проташить через биографию Салтыкова-Щедрина свою идею религиозности: набожность отца «видимо, как-то передалась маленькому Михаилу Евграфовичу». Вот всё у Быкова «видимо» да «как-то». Никаких доказательств.

«Если вспомнить „Пропала совесть“, если вспомнить „Правду“, помещённую в сказки, странную сказку о том, как мальчик умирает после богослужения, потому что сердце его переполнено восторгом и он не может это вместить,—мы поймём и этого, другого Щедрина. Мы увидим в нём самое главное, что в нём было,—его религиозные чувства». Лично я ничего специфически религиозного в этом не вижу. В чём и где тут религиозные чувства писателя сказались?

Может, они там где-то и есть, но Быков не находит нужным, да, пожалуй, и попросту не в состоянии обосновать свою точку зрения. Лозунги для него важнее доказательств. А почему не предположить, что «его отрицание русской действительности» стоит не на каком-либо «религиозном отвращении ко всему мирскому», а на социалистическом идеале? Ведь сам же Быков чуть ниже проговаривается: «Ему казалось, что именно французские социалисты лучше, как он говорил, объясняют мир».

Вот вам и ответ: французские социалисты. Другое дело, что о социализме со страниц подцензурной печати говорить было нельзя, а о христианстве можно. Так что пришлось великому гуманисту обряжать свою правду в религиозные одежды. Тем более что Библия—книга противоречивая, и понимать её можно очень по-разному. Недостаточно сказать: «Такой-то религиозен»,—необходимо ещё описать характер этой религиозности.

На Евангелие ссылались и охранители, и революционеры: одни видели в Иисусе напыщенного небесного царя, другие—неистового борца, скитальца, друга всех нищих и угнетённых.

Капризный ребёнок

Можно ещё долго перечислять быковские несуразности и быковское враньё. Однако остановимся

7. Любопытно, что в вышедшей чуть ранее книге о Пастернаке Быков сводит всё творчество и этого глубокого и серьёзного автора к «напоминанию и обещанию чуда» (см. «Асимметричный Быков». <http://www.newlookmedia.ru/?p=11498>).

на общей характеристике, которую он даёт своему герою: «В Салтыкове-Щедрине всегда сидел этот оскорблённый, отторгнутый от дома, несчастный ребёнок, который страдает в холодном Петербурге и Царскосельском лицее, вообразив себя поэтом».

Понятно, что Быков снова пишет это про себя. Это именно в нём заметен капризный ребёнок, который жаждет быть самым-самым и потому хочет верить, что никто лучше него не бегаёт, не прыгает, не пишет и не живёт. Потому и надо превращать великих в свиней, что, по словам героя мультика «Падал прошлогодний снег», «при таких свиньях... как-то и сам становишься...».

Быков органически не приемлет политических убеждений и философских идей, ему хочется видеть в прозе Салтыкова-Щедрина каприз. Увы, это с лёгкостью опровергается словами самого классика:

«Сохраняйте в целости вкус к благородным мыслям и возвышенным чувствам, который завещан нам лучшими преданиями литературы и жизни! Пускай называют людей, хранящих эти предания, „разбойниками печати“ — не пугайтесь этой клички, ибо есть разбойники, о которых сама церковь во всеуслышание гласит: „но, яко разбойник, исповедую тя“, равно как есть благонамеренные предатели, о которых та же церковь возглаголет: „ни лобзания ти дам, яко Иуда“... Расплывайтесь, но не коченейте! взмывайте крылами в пространство, но не погрязайте в болотной тине!»⁸

Быкову такая позиция не по плечу и не по уму.

Как быков в Вятку без очков поехал

Чернышевский говорил, что «можно не знать тысячи наук и всё-таки быть образованным человеком, но не любить истории может только человек совершенно неразвитый умственно»⁹. А вот Быкову история безразлична; собственно, потому он, несмотря на звание литературоведа и широкую популярность, на самом деле литературоведом не является — без истории, обществознания и даже экономики литературоведения не бывает.

Например, для Быкова нынешний Киров и Вятка середины девятнадцатого века — одно и то же. О ссылке писателя в Вятку он пишет: «Ну, кто бывал в Вятке, в Кирове, безусловно, все мы, в общем, помним, что этот город, мало изменившийся, представляет собою».

А между тем именно неприятные Быкову большевики (пиком российской истории для него является эпоха декаданса¹⁰), едва пришли к власти, развернули в Вятке работу по борьбе с безграмотностью. С 1923 года в Вятке началось масштабное строительство жилого фонда, дорог, уличного освещения, водопровода. Появились заводы, высшие учебные заведения, театры и так далее. И по мере отхода от советской плановой модели это всё стало разваливаться и возвращаться к первобытному состоянию.

А Быков всей этой истории не видит, ему глубоко плевать на Вятку, на Киров, на всю Россию, да и на все другие страны скопом. Вятка у него за сто пятьдесят лет не поменялась. «История одного города» у него ровно про «то же самое», что и «Сто лет одиночества». В России у него вечно одно и то же, а потому и произведения классиков в его пересказе блёкнут, теряют живой нерв эпохи.

Конечно, Салтыков-Щедрин актуален, но не потому, что «ничего не изменилось», а потому, что кое-что вернулось. И, слава Богу, пока ещё далеко не всё. И если не видеть этой разницы, то можно запросто всё вокруг проморгать. Быков безграмотен, а главное, безразличен, и потому всё для него одно и то же.

О чём думал Салтыков-Щедрин

Салтыков-Щедрин равнодушным не был, потому и внимательно изучал самые новейшие социально-политические теории, участвовал в политической жизни страны, вёл ожесточённую полемику и с противниками, и с попутчиками. Он жил интенсивной интеллектуальной жизнью, страстно искал выхода из исторического тупика, в котором оказалась его несчастная родина.

Вот что пишет в своей статье Григорий Зиновьев:

«Щедрин работал в „Отечественных записках“ и был близок с народниками, хотя, как показывает опубликованная теперь его переписка, он не раз резко критиковал и даже высмеивал таких столпов народничества, как Южаков и Кривенко (см. „Письма“ 1845–1889), во многом не соглашался с Н. К. Михайловским (см. письма к Михайловскому), систематически критиковал П. Л. Лаврова, поправлял в определённом направлении Г. И. Успенского и т. д. Но, работая с народниками, он в главном, центральном вопросе народнического мирозерцания — в вопросе о деревне — всё время от начала и до конца шёл своими путями»¹¹.

8. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тётечке // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература. 1972. Т. 14. С. 430.

9. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 546.

10. «Нынешняя Россия примерно настолько же глупей и примитивней СССР, насколько СССР был глупей России времён Серебряного века» (Вековая тайна вождя. <https://novayagazeta.ru/articles/2018/04/20/76246-vekovaya-taynavozhdya>). Другое дело, что советский период он всё-таки ставит выше нынешнего. Но эта позиция Быкова противоречива и неустойчива, и нового прихода большевиков он не желает, ибо боится за свою квартиру и машину (Выживет ли литература в России? https://www.youtube.com/watch?v=uc_D6cvoI8s).

11. Зиновьев Г. Большевики и наследство Щедрина (<http://saint-juste.narod.ru/Zinoviev.htm>).

Быков оказывает классикам честь

Эта характеристика мне кажется куда больше относящейся к сущности творчества Салтыкова-Щедрина, чем быковские «видимо» да «как-то».

Салтыков-Щедрин думал о будущем российской деревни, о возможности появления пролетариата, о значении крестьянской общины, сравнивал теории славянофилов и западников, примерял на российскую действительность европейские социальные системы и институты, взвешивал возможность реформ и революционного взрыва, следил за тенденциями социального расслоения в деревне.

Эти раздумья нашли наиболее яркое выражение в книге «За рубежом» и в знаменитом споре мальчика в штанах с мальчиком без штанов, в котором Быков разглядел лишь «религиозное разочарование». Мальчик в штанах (то есть вставший на путь капиталистического юнкерского пути немец) резонно объясняет выгоды своего положения, однако мальчик без штанов (то есть погрязший в средневековой отсталости русский) объясняет, что зато он не связан обязательствами контракта и может «свою душу назад взять», то есть взбунтоваться.

Впоследствии крестьянский мальчик без штанов превращается у Щедрина в пролетария, подсобного рабочего, то есть Щедрин рассматривает здесь перспективы пролетаризации деревни.

От всего этого Быков презрительно отмахивается: «Представьте себе, этот человек абсолютно искренне купился на то, что в России возможны великие преобразования». Вот дурачок-то!

Но, извините, в преобразованную Россию верили очень и очень многие, включая самых лучших и талантливейших людей. И, надо сказать, великие преобразования в итоге произошли. Разве отмена крепостного права—это не большой сдвиг? «Порвалась цепь великая...» Ошибка Щедрина в определённый период его жизни заключалась в том, что он поверил в возможность мирной и постепенной перестройки монархической России.

За эту наивную веру и критиковал его тогда Некрасов. Так что речь идёт не о переменах вообще, а об определённых переменах, определённым способом. Пока власть оставалась в руках царя и помещиков, никакие серьёзные перемены в интересах народа были невозможны. Сперва необходимо было поменять власть. Но мягкотелые болтуны-либералы на такое были неспособны.

Вот почему Салтыков-Щедрин очень быстро отмежевался от либерального лагеря и сблизился с лагерем гонимой, преследуемой революционной демократии. Но ни о какой революционной демократии Быков знать не желает, для него существуют лишь охранители и либералы.

Не будем забывать, что лекция Быкова была прочитана в 2011 году, когда либерально-оппозиционное движение в стране ещё шло на подъём. Так что Быков, всей душой преданный своей либеральной тусовке, стремился и Салтыкова-Щедрина поставить вровень с лидерами либеральной оппозиции (теми, кто в конце года будет блистать на «болотных-сахарных» протестах). Подтянуть лидеров до уровня великих русских интеллигентов было занятие безнадежное, так что он решил «опустить» классиков до их уровня.

Вот этим и занимается Быков с тех пор: пытается придать портретам великих черты то Немцова, то Шнурова, то себя, любимого. Видимо, он искренне считает, что это делает классикам честь.

Увы, для того, чтобы сделать из Салтыкова-Щедрина либерала, приходится слишком на многое закрывать глаза, ибо писатель не принимал либерализм как идею, буржуа как тип и капитализм как способ общественного устройства, страстно выступал против эксплуатации человека человеком, против алчности и «кровопийства».

И при этом сопереживал простому люду—крестьянам (сперва крепостным, а потом и «свободным»), «сплошным массам людей, для которых, например, вопрос о лишней полукопейке на фунт соли составляет предмет мучительнейших дум и для которых даже не существует вопроса о материальных удобствах», «тысячам бесприютных бобылок, которых весь годовой бюджет заключается в пятнадцати-двадцати рублях, с трудом вырабатываемых мотаньем бумаги».

Салтыков-Щедрин знал быт простого народа, а вот Быков и иже с ним с омерзением отворачиваются от тех, кто беднее их, то есть от девяноста процентов россиян. Быков даже объявляет, что «торжествующая свинья» у Салтыкова-Щедрина—это не царизм и его подпевалы, а «те самые девяноста процентов населения, у которых нет возможности поднять голову». Ну, и свинство. Писатель говорил не о девяноста процентах населения (которое тогда составляли крестьяне), а о сытой столичной публике—выгодополучателях царского режима.

«Их нельзя ни убедить, ни усювестить...»

О Москве, например, Салтыков-Щедрин высказался весьма хлестко: «Я знаю Москву чуть не с пелёнок; всегда там воняло. Когда я ещё на школьной скамье сидел, Москва была до того благополучна, что даже на главных улицах вонь стояла коромыслом»¹².

.....

12. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература. 1972. Т. 14. С. 138.

Сам Быков то трётся около либерально-опозиционного лагеря, то вдруг объявляет себя консерватором, а либерализм — «трусливым выбором слабака»¹³. При Ельцине он обрушивался на оппозицию, а при его преемнике сам вдруг записался в оппозиционеры.

А вот Салтыков-Щедрин не щадил ни либералов, ни консерваторов, зажимавших рот всякой критике на том основании, что она якобы «потрясает основы» (сегодня бы сказали «раскачивает лодку»):

«Ложь, утверждающая, что основы потрясены, есть та капитальная ложь, которая должна прикрыть собой все последующие лжи. Вот почему прочная постанова этой лжи прежде всего необходима каркающим мудрецам.

Как истинно русский человек, и я не изъят от простодушия и соединённых с ним предрассудков, а потому воронье карканье и на меня наводит суеверную оторопь, сопряжённую с ожиданием грозящей опасности. Помилуйте! ведь от этих распутных птиц всего ждать можно! Ведь их нельзя ни убедить, ни усостыжить, потому что они сами себя заранее во всем убедили и простили»¹⁴.

Недаром российские революционеры расхватали произведение Салтыкова-Щедрина на цитаты, восприняли его терминологию и его образную систему.

А на кого ссылаются нынешние «белоленточные» крикуны? Пусть уж тогда занимаются христианской «самокритикой» и самоусовершенствованием вместе с господином Бердяевым и другими веховцами. Ведь это они защищали движение России по пути капиталистических реформ, а источником всех возникавших при этом проблем объявляли народ и интеллигенцию и призывали их покаяться в грехах.

Хотя Бердяев — то в итоге доусовершенствовался до христианского социализма. Так что и с ним нашим либералам, видимо, не совсем по пути.

В одном из «Писем к тётенке» Салтыков-Щедрин как-то отметил, что «бывают минуты», когда «даже заведомо злокозненные мудрецы... обдумывают, как бы им примоститься к „хорошему слову“, усыновить его себе»¹⁵. Вот и решили наши либералы усадить с собой за стол Салтыкова-Щедрина, только ради этой операции пришлось писателя заметно урезать, да ещё и пришить ему то, чего не было. И получился у них не Салтыков-Щедрин, а какое-то чучело.

Пусть лучше читают Быкова, с ним «скромно пьют и жрут» в столичных ресторанах.

А мы будем читать родных классиков и учиться у них всегда идти туда, куда идёт народ, но на каждом шагу стараться подталкивать сознание людей в сторону высоких идеалов.

.....
13. Дмитрий Быков: Что для меня либерализм и демократия (<https://echo.msk.ru/blog/partofair/1889688-echo/>).

14. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература. 1972. Т. 14. С. 270.

15. Там же. С. 320.